

ПРОЩАНИЕ С ЛЕГЕНДОЙ

Сергей НИКОЛАЕВ

Неожиданно позвонил Пар-

— Ты в Москве? Зайдешь?

— Да, коро буду.
Я не умею утешать людей, у которых случилось несчастье. Это особый дар, и господь не наделил им меня. Я знал, что за время, прошедшее после нашей предыдущей встречи, Паркоменко похоронил сына, убитого на улице. И когда он вошел ко мне, я все никак не мог начать разговор, стараясь найти слова, способные выразить искреннее сочувствие.

– Ты знаешь, "Ники" больше нет.

— Как нѣт?

Я оторопело смотрю на светящийся экран телевизора, который забыл выключить. И вижу совсем другое.

Зимний дождь, каша под ногами, хлопляющие изнутри ботинки и мокрая замурлышка на голове, еще недавно бывшая вполне пристойным кроликом. То-то радость. А еще и город такой, космополитный, удивный, с размахом четвертьвековой давности. Пока пройдешь с одной девиаткизистки с одинаково унылым общажным светом в окнах до другой такой же, успеешь проклясть и зодчих, наверняка отхавативших какую-нибудь премию за проект, и транспортников, и эту дурацкую страну, где даже погода, не как у людей.

Впрочем, цель оправдывает средства. И вот я на мягком диване. Тепло, уютно. На вешалке в углу бесформенная мокрая масса постепенно принимает вид куртки. Стакан горячего чаю обжигает пальцы. Люди вокруг кажутся злыми и циничными. И город их уже не представляется столь беспроблемным. Разве могут такие хорошие люди жить в плохом месте?

Приятно осознавать, что до тебя на этом самом диване год назад, два, пять, пятнадцать лет сидели люди замечательные, известные. Что так же на огоньке заходили сюда актеры и режиссеры, писатели и певцы, знаваемые каждым встречным. И, соприкосшись, уже можно вникнуть в суть спора, который, судя по возмущенным интонациям, начался давно и кончится не скоро.

— Пархом, время "Ники" про-

Как же прошло? Когда встала «Чика», с кабинетом художественного руководителя, с гостями, с теплым диваном и мною на диване. Чувствительный телесный контакт с новыми Челнах, с новыми людьми, одновременно с городом и ставший символом его роста, собиравший в себя все живое и яркое, служивший низменным местом встречи здешних и заез-

хих и жаловалов и их поклонников. Конечно, "театр-студия" — не заучит. Репутация словосочетания сильно подмочили студия-диоредовки, созданные в неизмеримых количествах пять лет назад и исчезнувшие без следа спустя год-два. Но не с них начиналось студийное движение и не ими кончилось. Ведь самые-то самые остались. А "Ника" — одно имя чего стоим! — здесь, в этом городе, и есть самая-премальная. Но вот — "время прошло"...

А ведь когда-то было оно, ее время. И было время Николая Федоровича Пархоменко. Пархома, как зовут его друзья. Оно пришло, разумеется, не сразу.

Пархоменко учился в Москве. Был типичным «младшим шестидесятиком». И, конечно, имел неосторожность читать «не те» книги. Больше того, «не те» книги он давал читать другим.

Не знаю, зарекался ли он по молодости от сумы и от тюрьмы,

“Ника”. Последний полет

но и того, и другого хлебнул
сподна

Он никогда не вспоминает о жизни в Зене, да и о своей краше-нейшей роли в шукинской «Калине красной» говорить не любит. И наговорил никогда, пока однажды друзья после очередного телепоказа на приперли к стенке: «Слушай, Перлом, там в фильме ждешь поэт Есенина? Ты фильм бы еще мог старушка?», ведь это — ты, признавайся, а? Пархменко признался. И тогда, переломив голову на ладонь характерным только для него движением, тихо напевает: «Я по-прежнему такой же нежный»...

И после зоны Пархсменкс здорово поматало, прежде чем пробил его час. Он пробил тогда, когда газеты заполнились лозунгами о стройке века. Когда десятки тысяч молодых и не очень молодых людей устремились в неведомый город на Каме.

Сейчас, во времена прозрений и признаний, по вечерам в "Нике" часто возникает разговор о том, за чем же приехало в Набережные Челны его первое поколение. Многие — за кварти-

рами. Многие — бежали из тул-
ковских ситуаций прежних мест.
Но все же большинство верили,
что вместе с заводом и городом
они построят новую жизнь с но-
вым, молодым братством. Ран-
ним утром и поздним вечером
они местили сапогами грязь на
дорогах от стройплощадки к до-
мам, растущим, как грибы. Они
читали Грива и Экзюпери, ро-
жали детей.

Вместе с этими людьми в город приехал Николай Пархоменко. И у КамАЗа появился свой жест-фигура.

В "Ник" потянулись романтики. Показывая на ветру и лютом морозе до темноты, отпусти порцию звучных матюгов в адрес нерадивых поставщиков, скинув обледенелые талогрейки, они приходили в театр и начинали говорить на языке великих драматургов.

Почти сразу же "Ника" стала общепризнанным духовным центром Набережных Челнов. Сюда стекались близкие по духу молодые Зрители в полном влинии на

Возвращаясь к островам не по времени, Заводское на-
приводит

го своих гостей, было престижно иметь у себя под крылом лауреата всевозможных конкурсов и фестивалей и как бы между делом показывать столичным чиновникам увесистую подшивку газетных вырезок с ним. На посиделки к Пархомию стали приходить гастролирую-

У самого Пархоменко все складывалось на редкость удачно. Начальство благоволило, город знал, вольнодумские прошалося. Рядом была жена, хорошая писательница, тоже из породы первопроходцев-романтиков. Росли два сына-близнеца. Любили студийки. Скольким он выдернул из обывательской трясины, из тускло освещенных подъездов.

Эпоха рыночных отношений свалилась на "Нику", как снежная лавина. Со сцены Пархоменко, подобно многим своим коллегам, вынужден был перебраться во всевозможные провинции, от своих актеров — в очереди просителей. Но просить у него получалось хуже, чем ставить спектакли.

Напряженности, как правило, являются не в одиночку, а в

сплоченной компании. Распалась семья. К экономическим сложностям прибавились и чисто творческие. Время романтиков прошло. Юные таланты шли не к нему на сцену, а к крутым мужикам в киоски. На театр свалился долгий-долгий ремонт. Нсыех спектаклей не ста-

К тому же — и это едва ли не самое главное — заложивший КАМАЗ-3. По тем же причинам, что и "Никсу". Автогигант в муках развалился с легендой, создала ее же и разрушила. Вспомните, как каждое утро десятки "народных" поглотили уже не восторженных строителей будущего, а усталых людей, думающих лишь о том, когда же наконец закончатся эти дни несправедливости. Когда у машины погелел мотор, она ни за что не поедет. Разве что по инерции. Вслед за КАМАЗом плохо стало Челам. Ступелки некогда перестали быть "машинками" для улиц и стали бродить мурлы мужичьи, стравленные в неоплачиваемый отпуск. Почти остановилось жилищное строительство — главный манок горожан — и "Никсы" глотать в таинственных ситуациях "Никсу" протать от плоти города и завода...

– Пархом, врэмя "Ніжкі" про-
шло

Так думала, видимо, и Е.Шустерман, недавно назначенная директором культурно-долового комплекса (КДК) КамаЗа. Трудности "Ники" она определила как признаки ее вымирания. Клубные традиции — как очаг пьянства и разврата. Она подписывает приказ о расформировании театра и упразднении должности его худрука. Пархоменко милостиво предлагается ставка педагога в коллективе, который должен был занять помещения "Ники". Но он, конечно, отказывается, становится безработным и подает протест в суд.

И вот он сидит передо мной и говорит, что "Ники" больше нет.

Нет вместе с планами ее возрождения, вместе с замыслами новых спектаклей, работа над которыми уже началась. Нет вместе с восемьюдесятью ее студиями.

...Недавно улицу Романтиков, на которой двадцать лет назад родился новая театральная студия, переименовали в улицу Рубаненко.

Упразднив "Нику", Е.Шустерман захлопнула толстую папку с надписью "Легенда" и расчеркнулась: "Закрывать".

В один из последних ноябрьских дней должен был состояться суд над убийцами сына Н. Пархоменко. И суд по его иску к руководству КДК. Первое дело было отправлено на исследование. Рассмотрение второго перенесено.

А на здании, где помещалась «Ника», на беззаконном торце девятиэтажки, появились кощепосланные надписи: Театр «Ника» Кто из восьмидесяти нынешних или сотен прошлых ее студийцев угодил/ся забраться на такую высоту? Или вопреки всему, верная своему имени, оставила на панельной стене автограф крылатая богиня победы?